

ОТЗЫВ ЧЛЕНА ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА

на диссертацию Никонова Сергея Борисовича на тему «Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государства», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 – журналистика

Динамика развития информационных технологий, внедряемых в средства массовой информации с целью глобального управления общественным сознанием и массовой психикой, устанавливает собственный порядок реализации своих потенциалов и достижения расчетных эффектов. Политико-политологическое осмысление коммуникативной реальности аналитиками, обеспечивающими разработку государствами-участниками международно-политического процесса национальные информационные стратегии и тактические комбинации, оформилось в логическую формулу ноополитики (см. отчет RAND/MR-1033-OSD «The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy», 1999). Ее реализация с очевидностью присутствует в агрессивной международно-политической практике основных обладателей мировых информационных ресурсов, включающих и средства массовой информации коммуникации. Обширную библиографию представляет теоретико-методологическое расширение компонентов понятия «ноополитика», предпринятое зарубежными исследователями.

Российская политическая наука, в том числе и ее массмедийное (или политико-коммуникативное) отведение по причине когнитивной зависимости от западных школ и течений не проявила должного интереса к проблематике международной информационной безопасности и информационно-коммуникативного противоборства. Концепт ноополитики в силу ее идеологической компоненты разрабатывался в основном правоведами-международниками и военными специалистами. Отдельные эффекты, алгоритмы, структуры различных информационных стратегий, зачастую вне прямой связи с ноополитикой, научно обоснованы социальной информაციологией, политической коммуникативистикой, языкознанием, политической

33-06-19

10.01.2021.

лингвистикой, медиапсихологией. В еще меньшей степени заметен теоретический разворот в сторону ноополитики корпуса журналистов-исследователей. С.Б. Никонов – один из немногих, кто последовательно, на протяжении почти двух десятков лет обнаруживал в политико-информационных актах признаки ноополитики, вскрывал их медийную природу, определял структурно-функциональные связи внутренней и внешней информационной политики государства и журналистики.

Именно этот аспект содержания ноополитики как стратегии информационного взаимодействия (противостояния) международных акторов выделен автором диссертации в качестве научной проблемы: возможность бесконфликтного использования универсальных массмедийных ресурсов ноополитики в обеспечении баланса международных отношений. Представленная к защите диссертация посвящена снятию противоречия между объективными свойствами информации и субъективными целями международно-политических акторов посредством СМИ, что делает её безусловно актуальной, а позицию автора – оппозиционной базовому определению ноополитики как инструменту информационного противоборства и информационной войны.

Диссертация имеет традиционную структуру: во введении сформулирована цель исследования и задачи её достижения, определены объект и предмет работы, представлены теоретико-методологическая и эмпирическая базы исследования, выведена научная новизна, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Автором компетентно рассмотрены теоретические вопросы пространственной и структурно-функциональной трансформации современного миропорядка в пределе конца XX – первой четверти XXI вв.; выявлены зависимости коммуникационного процесса от медиасопровождения международных отношений с учетом манипуляторных функций СМИ; структурирования и специфического функционала «новых» медиа в политической коммуникации; влияния сетевых средств массовой информации на интерпретацию действительности при освещении международных событий;

проявления медиатизации политического процесса с применением атрибутивной повестки и языковых средств выражения идеологической модальности.

Такая компоновка структуры научного исследования представляется вполне логичной и приемлемой для получения результатов, претендующих на разрешение научной проблемы, находящейся в междисциплинарном пространстве. Автор органично опирается на традиционные для теории и методологии журналистики подходы и апробированные результаты изучения свойств всех компонентов медиа, известные в медиалогии и политической коммуникативистике, (это мы отнесем к доказательствам достоверности получаемых результатов). Но, заметим, что в актуальном перечне информационных, и в частности медиаэффектов, есть немало вновь образованных когнитивных артефактов, которые обеспечивают эффективность коммуникационных и коммуникативных процессов (например, технология нарративов, в которую фреймы входят по принципу вложенных конструкций; производство подкастов и предподкастов и др). А для анализа эффективности использования потенциала влияния (или воздействия) на целевую аудиторию все еще называемых «новыми» медиа полезно было бы привлечь аппарат политической медиаметрии, позволяющей выявить степень их вовлеченности в операции по подрыву информационно-политической стабильности международных акторов (см. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. 2015 г.)

Значимым для политической науки является стремление автора привнести в теоретический и практический базис ноополитики концептуальное обоснование ее дуальности и определенной эмансипированности от управляющего субъекта – с одной стороны, но и зависимости от целеполагания управляющего субъекта при осуществлении агрессивных экспансионистских информационных стратегий и трансформации ноополитики в ее инструментальную ипостась – с другой.

В комплексе двуединый теоретико-методологический подход, основанный на когнитивных схемах междисциплинарной комбинаторики, позволяет автору теоретически обосновать причастность и укорененность журналистики в

структуре ноополитики, определить ее местоположение, принципы, формы, методы и способы производства логико-эмоциональных смыслов в условиях международного информационно-коммуникативного противостояния. При этом диссертант ставит перед собой задачу обоснования применения ноополитики для обеспечения «общественного спокойствия» в государстве – субъекте международных отношений, что вызывает сомнение в полноте охвата феномена ноополитики, ее сущности и политического назначения. Наши рассуждения по этому фактору несомненно интересного научного исследования мы изложим ниже.

Для исследования предмета диссертации автор сформировал теоретико-методологический комплекс, адекватный сложности решаемых задач. При этом сделан акцент на условия практической реализации ноополитики в информационной стратегии государств – глобализацию и становление нового мирового порядка. Но для исследования степени их актуального состояния (Глава 1) автору следовало бы применить теорию нелинейных динамик (на которой базируется и теория управляемого хаоса, фундирующая не только практику информационных войн, но и политико-идеологических теорий с приставками нео- и пост-) как основную, а теорию конвергенции (более известную и чаще встречающуюся в теоретических разработках исследователей журналистики) использовать в качестве дополнительной, объясняющей состояние международной информационно-коммуникативной сферы в благоприятные, по меркам турбулентности XXI века, периоды международных отношений. В этом случае у автора появилось бы больше политико-правовых и этических оснований для утверждения политической диффамации как инструмента реализации информационной стратегии и методов контроля над информацией технологическими средствами, поскольку они применимы в так называемой серой зоне, или перемешивающим слое системно-сетевой трансформации национальных информационных пространств, где коммуникативные и коммуникационные технологии перемежаются по кромке хаоса (эффекты постправды).

Это же относится к авторскому обоснованию критериев причисления государств к «субъектам, формирующим современное мироустройство» (с. 39, 42,43), содержание которых, на наш взгляд, не согласуется с авторским разворотом концепта ноополитики по вектору симметричных предъявлений национальных претензий в глобальном информационном пространстве (или автор таким образом формирует основы стратегии глобального информационного сдерживания, по примеру ядерного?). В авторском определении ноополитики «информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования у общественности через средства массовой информации положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей» (с.55) не ориентирована на милитаризацию информационно-коммуникационных процессов (такой вот «мирный атом»).

Эта же авторская интенция выражена в гипотезе исследования: «Любой субъект международных отношений может строить свою международно-информационную политику, извлекая политические дивиденды и не афишируя своего прямого участия в изменении политических процессов, используя СМИ как инструмент управления международными процессами, взяв за основу концепт ноополитики». В нашем представлении, такой вариант концепта ноополитики вуалирует ее разрушительный потенциал и ставит под сомнение результаты пар. 1.4 (анализ концепций информационных войн), 2.4 (инструментализация медиаэффектов), 3.1 (например, цит.: «...Преследуя свои геополитические интересы, международные акторы, пользующиеся возможностью манипулировать информацией, ведут борьбу между собой, только страдают от этого простые люди» (?) С. 190), 3.4. Ситуация напоминает известную историю с отказом американских военных стратегов от концепта стратегических коммуникаций, которые на самом деле обеспечивают экспансионистскую функцию ноополитики целеориентированным массмедийным контентом, что ввело термин в широкий круг коммуникативных дисциплин и практик.

Наше внимание к процедуре теоретического обоснования исследования обострено формулировкой цели работы, второй ее части: «... создание методики выявления задач определенной внешнеполитической информационной стратегии и средств ее реализации» (похожая цель стояла и перед коллективом ВШЭ, подготовившим в 2020 г. два научных доклада: «Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности» (С.А. Караганов, Д.В. Суслов) и «Защита мира, земли, свободы выбора для всех стран: новые идеи для внешней политики России» (Е.А. Примаков, Д.В. Суслов и др.). В перечне задач, «гарантирующих» достижение цели, собственно задачи на разработку искомой методики нет, но и суммирование ожидаемых результатов к созданию методики не приводит. Нет оснований считать такой методикой предлагаемые автором дополнения или изменения Доктрины информационной безопасности России (задача 6, пар. 2.3) или результаты пар. 1.4, где автор исследует «возможности политико-технологического контроля над информационным сектором».

Ценность выводов была бы несомненно выше, если бы диссертант продвинулся в научных достижениях дальше имеющихся разработок в области международного контроля информационного пространства (см., например, «Методологические вопросы применения норм, правил и принципов ответственного поведения государств, призванных способствовать обеспечению открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной ИКТ-среды». Исследовательский проект Международного исследовательского консорциума информационной безопасности /Под ред. проф. А. Стрельцова, др. Эн. Тикк. М., 2019 г.).

Явление ноополитики в ее первородной сущности, какое бы концептуальное объяснение она ни находила, представляет угрозу общественному сознанию конкурирующих, а тем более – противоборствующих или враждующих субъектов международных отношений. По этой причине международное профессиональное сообщество национальных агентов информационной безопасности поддерживает приемлемый уровень сохранения стратегической стабильности в глобальном информационном пространстве. Но и оно на идеологической почве расколото на два лагеря, имеет две группы продвижения диаметрально противоположных подходов к решению проблем

международной информационной безопасности (опыт тринадцати международных форумов обеспечения международной информационной безопасности, проведенных по инициативе России в Германии, в Гармиш-Партенкирхене). Искомое диссертантом состояние «общественного спокойствия» поддерживается и таким образом, при этом стабильность системы международных отношений характеризуется крайней степенью напряжения.

Автор опирается на многие отечественные и зарубежные источники, раскрывающие различные аспекты понятия «ноополитика», в том числе относящихся к сфере геополитики, ноосферологии, военной конфликтологии, международно-политического стратегирования и других направлений, на наш взгляд, избыточных для данного исследования и не достигающих той степени глубины, которая соответствовала бы актуальности состояния научных разработок в этих областях (пар. 1.1). Об этом свидетельствует отсутствие анализа ряда важных научных трудов, изданных на русском языке за последние пять лет (например, Р.В. Арзуманяна, А.А. Бартоша, С.Ю. Глазьева, С.Н. Гриняева, И.Ф. Кефели, Ш. Харриса, К. Уилбера...).

С другой стороны, диссертант слишком усердно, часто и в большом объеме цитирует работы С.В. Володенкова, М.С. Вершинина, А.Ю. Гарбузняка, Е.Г. Калугиной, Н.С. Лабуша, А.С. Пую. Целесообразность привлечения многих цитат в данной работе вряд ли оправдана, учитывая, что ряд приведенных положений, бывших актуальными на момент выхода публикаций в свет, стали общим местом международно-политической науки, их эвристический потенциал исчерпан. Это естественный процесс, а чрезмерное цитирование (в том числе учебников и диссертаций кандидатов наук), как известно, снижает уровень самостоятельности авторской доказательной базы. Особенно это касается выводного знания, завершающего параграфы или главы. Диссертант обладает достаточными основаниями для производства собственного научно-теоретического продукта в исследуемой сфере.

Определяя отношение к положениям, выносимым на защиту, отметим:

Положения 1, 2, 8 признаются нами обоснованными и имеющими значение для развития политической науки.

Положение 4. По сути, предлагаемый тезис вводит в научный оборот простоязычное «компромат», но и придает статус научно обоснованному коммуникативному акту, известному в уголовном законодательстве как действие, близкое к клевете. Эта технология, известная в спецоперациях по манипулированию сознанием и в т.н. спин-докторинге. Вряд ли оно может быть объяснено в научно-политологическом смысле интересами обеспечения общественного спокойствия в государстве, даже при отнесении понятия «общественное спокойствие» к категории правовой реальности.

Положение 6. Авторское дополнение к формулировке информационной безопасности РФ не представляется ценным по выше изложенной причине.

Положения 3,5,7. Требуют уточнения и дополнительного обоснования их новизны. Какие элементы утверждений требует научной защиты?

Пolemический тон нашего обсуждения диссертации и дополняющие аргументы не противоречат признанию достоинств научного труда С.Б. Никонова. Работа является завершённым исследованием: получены оригинальные результаты, подкрепленные теоретическим обоснованием. Материалы исследования представлены на многочисленных научных конференциях различного уровня, в том числе международных. Положения диссертации в достаточной степени отражены в 55 публикациях диссертанта (в том числе в статьях, опубликованных в научных журналах, индексируемых WoS, а также входящих в перечень ВАК Миннауки и высшего образования РФ). Диссертационное исследование С.Б. Никонова является самостоятельной и законченной научной работой, свидетельствующей о разрешении важной научной гуманитарной проблемы.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней. Диссертация Никонова Сергея Борисовича на тему «Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств» соответствует требованиям, установленным Приказом от 01.09. 2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Никонов Сергей Борисович заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по специальности 10.01.10 — Журналистика. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Заместитель директора Института права и национальной безопасности,
заведующая кафедрой государственного управления
и национальной безопасности РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации
(Москва, пр. Вернадского, 84),
доктор политических наук (10.01.10), профессор *ав* Шевченко А.В.
Диплом доктора наук: серия ДДН №001951
e-m: ashevchenko@ranepa.ru, тел. +7-917-578-71-83

10.02.2021

СЫ ЗАВЕРШ
ТОР ИЛИ
ВСКИЙ С. Д.